

Николай Добролюбов

**Стихотворения и рассказы
Я. П. Полонского**

Николай Александрович Добролюбов

Стихотворения и рассказы Я. П. Полонского

В своей рецензии на произведения Я. П. Полонского Добролюбов дает тонкий, пронизательный анализ поэтической личности автора. Этот ход типичен для него как критика поэзии. За «неясными грезами» поэта он видит «оригинальную натуру» с присущей ей мягкостью, мечтательностью, романтическим мироощущением. В этом плане Добролюбов развивает ту линию, которая была намечена «Современником» по отношению к поэзии Полонского в рецензиях Некрасова и Дружинина. Однако если Дружинин ставил поэту в заслугу его «кротость» и «незлобливость», то Добролюбов, скрыто полемизируя со своим предшественником, оценивает поэзию Полонского с точки зрения требований современной общественной ситуации: «...нам теперь нужна энергия и страсть; мы и без того слишком кротки и незлобивы».

Содержание

#1	0005
Примечания	0034

**Николай Александрович
Добролюбов
Стихотворения Я. П.
Полонского... Кузнече(и)к-
музыкант... Рассказы Я. П.
Полонского...**

СТИХОТВОРЕНИЯ Я. П. ПОЛОНСКОГО.

Дополнение к стихотворениям, изданным в 1855 г. СПб., 1859

КУЗНЕЧЕ(И)К-МУЗЫКАНТ. Шутка в виде поэмы Я. П. Полонского. СПб., 1859

РАССКАЗЫ Я. П. ПОЛОНСКОГО. СПб., 1859

Задумчивость очень унылая, но не совершенно безотрадная, и томно-фантастический колорит составляют отличительные признаки поэзии г. Полонского. В его стихе нет той мрачной, демонической силы, от которой человек может содрогнуться и почувствовать, что сердце его обливается кровью. Нет в нем и того размаха, той пылкости воображения, при которых поэтом создается целый волшебный мир фантастических образов, мир бесконечно разнообразный, яркий и оригинальный. Но в застенчивом, часто неловком и даже не всегда плавном стихе г. Полонского отражается необычайно чуткая восприимчивость поэта к жизни природы и внутреннее слияние явлений действительности с образами его фантазии и с порывами его сердца. Он не довольствуется пластикой изображений, не довольствуется и тем простым смыслом, который имеют предметы для обыкновенного глаза. Он во всем видит какой-то особенный, таинственный смысл; мир населен для него какими-то чудными видениями, увлекающими его далеко за пределы действительности. Нельзя не сознаться, что

подобное настроение, не сопровождаемое притом могучим, гофмановским творчеством, очень неблагоприятно и даже опасно для успеха поэта. Оно легко может перейти в бессмысленный мистицизм или рассыпаться в натянутых приноровлениях и аллегориях. Последнее мы нередко видали у некоторых наших поэтов, думавших брать свои вдохновения из классической древности. Но г. Полонский довольно удачно умел избежать и того и другого: от теологического мистицизма избавила его сила образованного ума, от бездушных аллегорий спасла сила таланта. Во всех стихотворениях г. Полонского, как бы они ни представлялись слабыми или эксцентричными, мы видим, что он не придумывал подобий, но холодно навязывал человеческие думы – и тучам, и волнам, и утесам, и насекомым, и деревьям[1], не из желания блеснуть оригинальностью рассказывал свои фантастические грезы, – нет, у него в самом деле являлись в душе эти грезы, пред ним в самом деле одушевлялись по временам все мертвые явления природы. Еще в прежних его стихотворениях мы видели признаки мечтательности, читая

в них фантастические впечатления разных периодов жизни поэта. Мы слышали, как в детстве поэт мечтал об ангеле, сидящем у его изголовья, и действительно чувствовал его присутствие:

*И мнилось мне: на ложе, близ меня,
В сияньи трепетном лампадного
огня,
В бледно-серебряном сидел он оде-
яньи;
И тихо, шепотом я поверял ему
И мысли, детскому послушные
уму,
И сердцу детскому доступные
желанья[2].*

А в другие минуты проходят пред его воображением все страшные чудеса, рассказываемые в наших сказках. Во сне видится поэту — и стеклянный дворец царь-девицы, и жарптицы, клюющие золотые плоды, и ключи живой и мертвой воды.

*И я вижу во сне, как на волке вер-
хом
Еду я по тропинке лесной —*

*Воевать с чародеем-царем,
В ту страну, где царевна сидит
под замком,
Изнывая за крепкой стеной...[3]*

И не только в рассказах няни являлись ему чудеса: вся природа полна была для него таинственной жизни, непонятных призраков. Когда-то, беспечным отроком, зашел он в лес, и ему стало странно, что лес так нем и мрачен.

*Вдруг свежие листья деревьев со всех
сторон,
Как будто бабочек зеленых миллион,
Дрожь задвигались...[4]*

Задвигались – и заговорились с поэтом...

Все возбуждает в нем вопрос, все представляет ему загадку, предмет мечтательных дум – и в мире и в жизни. Муза его подобна той деве, которой он в одном из своих стихотворений придает такие думы и вопросы:

*Что звенит там вдали, – и звенит и зовет?
И зачем там, в степи, пыль столбами встает?*

*И зачем та река широко разли-
лась?*

*Оттого ль разлилась, что весна
началась?*

*И откуда, откуда тот ветер ле-
тит,*

*Что, стряхая росу, по цветам ше-
лестит,*

*Дышит запахом лип и, концами
ветвей*

*Помавая, влечет в сумрак влаж-
ных аллей?..[5]*

Вопросы такого рода задает себе нередко и сам поэт; подобные образы рисует он нередко очень живыми и привлекательными чертами. Природа представляется ему в виде какого-то загадочного, но милого и очень близкого существа, с которым он очень любит рассуждать о различных предметах, занимающих его воображение. То волны рассказывают ему про морские чудеса; то лес говорит ему про какую-то чудную красавицу; то подслушивает он «листьев осиновых шепот ласкающий», которым убаюкивается молодой дубок; то ночь на пути заглядывает к нему под рогожу кибитки, между тем как он выслуши-

вает целую поэму в звуке дорожного колокольчика[6], то после грозы является у него вопрос:

*Или у природы,
Как у сердца в жизни,
Есть своя улыбка
И свои невзгоды?..[7]*

Замечательно, что даже в рассказах своих г. Полонский не удаляется от того характера, который мы находим господствующим в его стихотворениях. Г-н Полонский рассказывает самые обыденные, даже отчасти водевильные приключения (как, например, в «Квартире в Татарском квартале», где Хлюстин[8], по незнанию грузинского языка и по ошибке в имени, ведет заочные переговоры вовсе не с той красавицей, в которую влюблен); но в них всегда рисуется пред нами – или какая-нибудь оригинальная личность, или странное явление душевной жизни, или, наконец, придается какая-нибудь таинственность внешней обстановке. Один из рассказов – «Статуя Весны» – особенно близко подходит к характеру стихотворений г. Полонского. Выпишем из него несколько строк, в которых

автор говорит о развитии фантазии в маленьком Илюше:

Он любил забиться куда-нибудь в уголок, и когда задумывался, большие серые глаза его с расширенными зрачками долго оставались неподвижными. Редко видел он посторонних, еще реже выходил на улицу... Фигуры кузнецов, прохаживавшихся по двору, всегда в преувеличенном виде рисовались в его воображении»

Однажды, проходя задней лестницей, где-то в четвертом этаже услышал он бранчивый крик какой-то женщины и плач ребенка. Этого было для него достаточно, чтоб вообразить, что наверху обитают такие злые люди, которым ничего не стоит, повстречавшись с ним, отрезать ему ухо для собственного удовольствия...

Несмотря на неопределенное чувство грусти, им испытываемое, с каждым днем все более и более свыкался он с своим одиночеством, которое было для него вреднее всякой медленной отравы. Голова его искала здоровой питательной пищи и не находила. Воображение (огонь, с которым и детям

играть опасно), развиваясь в нем на счет других способностей, постепенно создало ему вокруг него тот странный, фантастический и Гофмана достойный мир, которого никто, ниже сам великий психолог и философ, подозревать не мог.

Кто объяснит, как это делалось, что мальчик всему, каждой мелочи в доме, умел придать какое-то особенное, в зрелом возрасте непонятное, невообразимое значение? Каждая вещь была для него чем-то одушевленным, требующим от него известной степени сочувствия. Стук вбиваемого гвоздя был для него криком несчастного, которому не хочется лезть в стену... Когда его няня Августа вешала салоп свой, он был уверен, что и гвоздь это чувствует, и салоп понимает свое положение.

Кто бы мог подумать, что природная наблюдательность, самая заметная и все-таки никем не замеченная черта в его характере, не только не ослабила, но, так сказать, помогла играть его прихотливой, в высшей степени прихотливой фантазии?

Как Илюша любовался статуею Весны, бывшею у его отца, как он разбил эту статую и что от того произошло в его пылкой фантазии и слабеньком организме, – изображение этого и составляет все содержание рассказа «Статуя Весны». Эксцентрический Илюша обрисован автором с большой любовью, и нельзя не заметить, что подобные характеры находятся в соответствии с постоянным настроением самого поэта. Оттого-то, несмотря на свою странность, рассказ об Илюше нравится нам именно своей задушевностью и теплотой. Более просто, но тоже не без оттенка странности в характере маленького героя, два грациозные рассказа – «Груня» и «Дом в деревне». Рассказы эти помещены были в «Современнике»[9] и, вероятно, не забыты нашими читателями, почему мы и считаем излишним распространяться о них на этот раз.

Стихотворения г. Полонского, ныне изданные, также большею частью должны быть знакомы нашим читателям: они были уже помещены в разных журналах после 1855 года и отчасти в «Современнике». Вникая в смысл этих стихотворений и дополняя ими

Прежде изданные, мы теперь яснее можем определить значение мечтательной задумчивости и неясных грез поэта. Он не мистик – это ясно из многих стихов его, проникнутых уважением к науке и любовью к реальной правде:

*Миру, как новое солнце, сияет
Светоч науки, и только при нем
Муза чело украшает
Свежим венком[10].*

Суеверные впечатления ранних лет жизни, нелепые сказки нянек – он прогнал от себя. Он сознается, что был суеверен в прежнее время:

*Но из области мечтаний,
Из-под власти темных сил,
Я ушел – и волхвований
Мрак наукой озарил.
Муза стала мне являться
Жрицей мысли, без оков,
И учила не бояться
Ни живых, ни мертвецов[11].*

Но что же влечет его беспрестанно в эту область мечтаний? Отчего он не удерживается в пределах живой, человечески ясной дей-

ствительности? Ответ довольно положительный находим в некоторых его стихотворениях. Поэт рад бы жить действительностью; но она для него так безотраднa, скучна и бессмысленна, что он невольно стремится от нее подальше. Как скоро он принимается изображать что-нибудь из жизни, совершающейся перед его глазами, его стих становится так уныл и безотраден, что невольно щемит сердце. Если б в таланте г. Полонского было менее мягкости и какой-то стыдливости, то он, при своем грустном настроении, мог бы извлекать из своей лиры страшные звуки негодования и проклятия. Но проклинать он не умеет, и недовольство его выражается в тихой, задумчивой жалобе. Сколько мы знаем, только однажды уступил он общему, восторженному увлечению прелестями действительности (мы не имеем здесь в виду грациозных его стихотворений, воспевающих наслаждение чувством любви) – да и то в ожидании грядущих благ. Это было в то время, когда все были вдохновлены наступающим возрождением Руси посредством безыменной гласности и обличительных статей против мелких по-

дьячих. В стихотворении, под которым значится 1855 год, Полонский написал:

*Поэт, в минуты вдохновенья,
Будь от пристрастия далек;
Язвы насмешкою порок:
Насмешка громче наставленья,*

—
*Когда ее на кару зла
Святая правда родила! и пр.*

Настроение это, довольно оживленное и бодрое, продолжалось и в 1856 году, когда г. Полонский написал следующее стихотворение, отзывающееся отчасти дидактизмом, столь несвойственным его таланту:

*Стихает. Ночь темна. Свисти,
чтобы мы не спали!..
Еще вчерашняя гроза не унялась:
Те ж волны бурные, что с вечера
плескали,
Не закачав, еще качают нас.
В безлунном мраке мы дорогу по-
теряли,
Разбитым фонарем не освещен
компас.
Неси огня! звони, свисти, чтоб мы
не спали! —*

Еще вчерашняя гроза не унялась...
Наш флаг порывисто и беспокойно
вееет;
Наш капитан впотьмах стоит,
раздумья полн...

Заря!.. друзья, заря! Смотрите, как
яснеет —
И капитан, и мы, и гребни черных
воли.
Кто болен, кто устал, кто бодр
еще, кто плачет;
Что бурей сломано, разбито, сне-
сено —
Все ясно: божий день, вставая, зла
не прячет...
Но – не погибли мы!.. и много спа-
сено...
Мы мачты укрепим, мы паруса
подтянем,
Мы нашим топотом встрево-
жим праздных лень —
И дальше в путь пойдём, и друж-
но песню грянем...
Господь, благослови грядущий
день!

К чему привела эта смелая претензия –
укрепить мачты, подтянуть паруса и встрево-

жить лень праздных, – об этом мы много раз говорили в «Современнике».[12] Кто хочет, тот может припомнить; а нам теперь нет надобности распространяться об этом. Здесь нас занимает то настроение, под которым действует талант г. Полонского... Итак, мы видим, что поэт не прочь от надежд, не прочь от общественных интересов. Но вера в восстановление правды и добра в общественной жизни, мечта о сильной и горячей общественной деятельности, к сожалению, скоро оставила его, как и многих других энтузиастов недавнего времени, и сменилась опять тем расположением духа, в котором высокие мечты кажутся ему уже сумасшествием, а в жизни представляется какая-то галиматья. Читатели наши могут припомнить стихотворение «Сумасшедший», недавно помещенное в «Современнике».[13] А вот стихотворение «Хандра», напечатанное тоже недавно в «Русском слове»: [14]

*На старый он диван ничком
Ложился, протянувши ноги,
И говорил, дыша с трудом,
Такие монологи:*

«Какая жизнь! о боже мой!
Какие страшные пигмеи!
Добро б глупцы, добро б злодеи
Нетразимую враждой
Меня терзали!.. Нет! с глупцами
Я б тратить слов не стал; с вра-
гами
Я б вышел на открытый бой.
Кто бескорыстно правде служит,
Кто за себя стоит – не тужит!
Но как бороться с пустотой,
Полуслепой, полуглухой,
Которая мутит и кружит?
Бороться рад бы – силы нет...
Под бременем бесплодных лет
Изныл мой дух, увяла радость,
И весь я стал ни то ни се...
И жизнь подчас такая гадость,
Что не глядел бы на нее!
Я только вздор один предвижу;
Какая-то галиматья
Выходит из того, что я
Вседневно слышу или вижу!
Не только некого любить,
Мне даже некого сердить,
Мне даже глупо ненавидеть.
Я – точно личность без лица.
Такого даже нет глупца,

*Кто б захотел меня обидеть!
Я вечно ною от заноз,
А разом вспыхнуть не умею.
Когда я плачу – стыдно слез,
Когда смеюсь – за смех краснею...
Какая жизнь! какой хаос!»*

Это горестное сознание пустоты всего окружающего, соединенное с чувством собственного бессилия бороться против нее, – хоть кого прогонит в мир мечтаний. И благо человеку, если еще он может хоть там укрыться: там он может по крайней мере остаться человеком честным и добрым. А в обществе... Но вот взгляд поэта на общество наше, выраженный в одну из грустных минут невольных его столкновений с этим обществом. Мы приведем несколько строк из его стихотворения «На пути из гостей»: [15]

*Славный мороз. Ночь была бы
светла,
Да застилает сиянье
Месяца душу гнетущая мгла —
Жизни застывшей дыханье.
Слышится города шорох ночной,
Снег подметенный скрипит под
ногой...*

Дальних огней вижу мутные звезды,
Да запертые подъезды...
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!
Что же в гостях удержало меня?
Или мне было привольно,
В сладком забвеньи бесплодного
дня,
Мучить себя добровольно?
Скучно и глупо без воли бол-
тать...
И не охотник я в карты играть;
Даже, признаться, не радуется
ужин;
Да и кому я там нужен!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Затем, изобразив, как была грациозна Мери – невеста, ищущая доходного места, – как Олимпиада ловко играла Листа, а Виктор читал бестолковые стихи, поэт продолжает:

Гости бывают там разных сортов:
В дом приезжают – вертятся,
И комплимент у них мигом го-
тов;

Из дому едут – бранятся.
Что занимает их – трудно по-
нять,
Всё обо всем они могут сказать;
Каждый себя самолюбьем изму-
чил,
Каждому каждый наскучил.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

В люди как будто невольно идешь:
Все будто ищешь чего-то,
Вот-вот не нынче, так завтра
найдешь...
Одолевает зевота,
Скука томит... А проклятый чер-
вяк
В сердце унять не хочет никак:
Или он старую рану тревожит,
Или он новую гложет.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Много есть чудных, прекрасных
людей,
Светлых умом и вполне благород-
ных,
Но и они, вроде бледных теней,

*Меркнут душою в гостинных хо-
лодных.*

*Есть у нас так называемый свет,
Есть даже люди, а общества нет:
Русская мысль в одиночку созрела,
Да и гуляет без дела.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!*

*Вот, вижу, дворник сидит у во-
рот,
В шубе да в шапке лохматой:
Точно медведь; на усах его лед,
Снег в бороде, в рукавице лопата...
Спит ли он, так ли прижавшись
сидит,
Думает думу, морозы бранит,
Или, как я же, бесплодно мечта-
ет,
Или меня поджидает?
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!*

И все-то в нашей общественной жизни возбуждает тяжелое чувство в поэте. И тем тяжелее для него это чувство, что он видит необходимость покориться факту; он не имеет сил бороться с злом, его смущает холодная

правда даже чужого беспощадного стиха, как он говорит в послании к И. С. Аксакову:

*Когда мне в сердце бьет, звеня как
меч тяжелый,
Твой жесткий, беспощадный
стих,
С невольным трепетом внимаю
невеселой,
Холодной правде слов твоих.*

*В негодование души твоей вникая,
Собрат, пойму ли я тебя?
На смелый голос твой отклик-
нуться желая,
Каким стихом откликнусь я?*

*Не внемля шепоту соблазна,
строгий гений
Ведет тебя иным путем,
Туда, где нет уже ни жарких увле-
чений,
Ни примирения со злом.*

*И если ты блуждал, с тобой мы
врознь блуждали,
Я силы сердца не щадил,
Ты не щадил труда, и оба мы
страдали.*

Ты больше мыслил, я – любил...
[16]

И эта любовь, эта поэтическая кротость производят то, что поэт находит в себе силы только грустить о господстве зла, но не решается выходить на борьбу с ним. Самые дикие, бесчеловечные отношения житейские вызывают на его губы только грустную улыбку, а не проклятие, исторгают из глаз его слезу, но не зажигают их огнем негодования и мщенья. Для объяснения наших слов приведем в пример одно стихотворение, которое мы считаем одним из замечательных стихотворений г. Полонского. Тема этого стихотворения – нелепый общественный обычай, по которому женщина любящая и любимая – гибнет в общем мнении, как скоро она отдается своему чувству вопреки некоторым официально-стям; тогда как мужчина, бывший виною ее падения, преспокойно может обмануть ее и удалиться, извиняясь тем, что страсть его потухла. Вопль негодования мог бы вырваться у другого поэта, взявшего подобную тему; мрачная, возмутительная картина могла бы нарисоваться из таких отношений человеческого

сердца к нелепым требованиям общества. Но вот какие стихи вышли у г. Полонского:

*На устах ее – улыбка;
В сердце – слезы и гроза.
С упоением и грустью
Он смотрит в ее глаза.*

*Говорит она: обман твой
Я передвижу – и не лгу,
Что тебя возненавидеть
И хочу, и не могу.*

*Он смотрит все так же грустно;
Но лицо его горит...
Он, к плечу ее устами
Припадая, говорит:*

*Берегись меня! – я знаю,
Что тебя я погублю,
Оттого что я безумно,
Горячо тебя люблю!..[17]*

Вообще – незлобием и добродушием веет от всех слов поэта, к кому бы ни обращались они – к благоухающей ли природе, к печальному ли кладбищу, к коварной ли женщине. Даже в своих отношениях к общественной

неправде и угнетению он остается так же грустно незлобив, как и в своем сожалении о прошедшей молодости или досаде на дурную погоду. Вот отчего грустные стихи г. Полонского и проходят так часто незамеченными для современных читателей. Нам теперь нужна энергия и страсть; мы и без того слишком кротки и незлобивы; мы не можем довольствоваться теми поэтами, которые, восхищаясь истиной, раскрытой для них, не делают усилия для того, чтобы поставить ее на высоком пьедестале, на вид всем своим собратьям. В стихотворениях г. Полонского мы находим несколько пьес, которые доказывают, что сам поэт сознает это, но, следуя своей природе, не решается выйти из своей сферы и изменить строй своей лиры. Без всякого сомнения, он поступает очень благоразумно, потому что натянутые возгласы о добродетели и то уже сбили у нас с толку нескольких талантливых людей. Не мудрено, что на их дорогу попал бы и г. Полонский; приведенное выше стихотворение «На корабле», так отзывающееся аллегорией, доказывает справедливость этого предположения. Но, к счастью, сам поэт луч-

ше других понял свои силы и, недовольный окружающей действительностью, выразил свой протест против нее совершенно особенным образом. Он нашел свою, особенную действительность, населил ее своими, особыми существами, придал им мысль и страсти, заставил их волноваться, радоваться и страдать по-человечески... И в этом фантастическом мире находит он успокоение и отраду от житейской пошлости, угнетения и обмана. Лучшим примером того, как г. Полонский одушевляет всю природу, может служить шуточная поэма о кузнечике-музыканте (которого, в пику всем грамматикам, он называет кузнечек). Содержание этой поэмы состоит в том, что кузнечик влюбился в бабочку, которая сначала была к нему равнодушна, но потом влюбилась в соловья и улетела за ним в лес. Соловей сначала поласкал ее, а потом клюнул, – она и упала мертвая. Кузнечик-артист, вместе с одним из своих приятелей, гулякою-кузнечиком, отправился ночью ее отыскивать, разузнал все дело от осы, наконец отыскал и похоронил молодую сифиду, которую так любил... Как видите, здесь соловей

играет роль злодея-обольстителя, и в этом, если хотите, выразилась опять оригинальная натура поэта, полная любви и мирного расположения ко всему живущему. Если угодно, по факту, соловей – губитель и негодяй, угнетатель невинности; но ведь нельзя же ненавидеть соловья за его поступок с бабочкой; нельзя винить и бабочку за ветренность, а можно только жалеть ее. Если хотите прилагать это к человеческому сердцу (а это приложение многие читатели и читательницы непременно сделают), то и в этом шуточном фантастическом рассказе вы можете подметить сердечную боль поэта и грустное недовольство миром, в котором нигде нет счастья... Впрочем, мы совестимся делать из этой поэмки моральные выводы и решаемся обратиться на нее внимание читателей только как на образчик того, каким образом и с какой простотой и любовью г. Полонский одушевляет и очеловечивает всю природу. В заключение же нашей рецензии представим читателям окончание этой поэмки, в котором заключается описание того, как кузнечики хоронили мертвую сальфиду-бабочку:

Сделали носилки, положили тело.
Подняли и долго поступью несме-
лой

Шли они по травкам, шли они по
кочкам.

Впереди, мелькая ярким огонеч-
ком,

Шел светляк, – и сотни разных
насекомых,

Нашему артисту вовсе незнако-
мых,

Шумно просыпались в перелеске
темном.

«А! ба! кто там? что там?» –
слышалось в сонном

Царстве. Вдруг во мраке жалкий
писк раздался:

Муравей какой-то под ноги попал-
ся

Нашему гуляке – он его и тиснул.
Вслед за этим визгом – в роще

кто-то свистнул.

Комары, проснувшись и подняв-
шись роем,

Затрубили в трубы, точно перед
боем;

Но, слетевшись кучей и увидев те-
ло,

Взяли тоном ниже (поняли, в чем дело)...

И, трубя плачевно в расстояньи дальном,

Огласили воздух маршем погребальным.

К светляку другие светляки пристали:

Свечи их то гасли, то опять мелькали.

С жалобным жужжаньем поднимались мухи

И, жужжа, друг другу поверяли слухи.

Бабочка – Сильфиды прежняя подруга —

Высунула носик, бледная с испуга,
И потом, спустившись по листочкам, села

На холодный камень и – оцепенела.

Предрассветный ветер, невидимкой вея,

Думал, что воскреснет молодая фея:

Шевелил у мертвой легкими крылами,

И дышал в лицо ей влажными

устами,
И потом далеким проносился
стоном,
И по всем тропинкам отдавался
звоном,
Чашечки лиловых цветиков качая.
И роса, как слезы, холодно сверкая,
Медленно стекала с усиков цветущей
Повилики, робко по стволам ползущей;
И благоухали тысячи растений;
И сквозь дым деревья в виде привидений
Головой кивали. – Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая,
—
И когда все стало ясно от улыбки
Пламенной богини, принесли под
липки
Мертвую Сильфиду – там ее сложили,
Вырыли могилку и похоронили.
И когда над этой новой могилой
Думал злую думу мой артист
унылый,

*В жарких искрах солнца за лесной
куртиной
Звучно раздавался рокот соловьи-
ный.*

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 7, с. 79–91, без подписи.

В своей рецензии на произведения Я. П. Полонского Добролюбов дает тонкий, проницательный анализ поэтической личности автора. Этот ход типичен для него как критика поэзии. За «неясными грезами» поэта он видит «оригинальную натуру» с присущей ей мягкостью, мечтательностью, романтическим мироощущением. В этом плане Добролюбов развивает ту линию, которая была намечена «Современником» по отношению к поэзии Полонского в рецензиях Некрасова (1855, № 10) и Дружинина (1855, № 11). Однако если Дружинин ставил поэту в заслугу его «кротость» и «незлобливость», то Добролюбов, скрыто полемизируя со своим предшественником, оценивает поэзию Полонского с точки зрения требований современной общественной ситуации: «...нам теперь нужна

энергия и страсть; мы и без того слишком кротки и незлобливы».

Добролюбов в своей рецензии приблизился, однако, к мысли о художественном разнообразии форм выражения общественных настроений: поэт, «недовольный окружающей действительностью, выразил свой протест против нее совершенно особенным образом». Нащупываемый здесь методологический принцип будет блестяще применен в таких статьях, как «Луч света в темном царстве», «Забитые люди».

Рецензия Добролюбова вызвала обиженное письмо Полонского к Некрасову: «Благодарю за критику в «Современнике», она тем более замечательна, что выписывает стихи мои самые непоэтические, чтоб похвалить меня как поэта». Далее, соглашаясь и впредь сотрудничать в журнале, Полонский все же добавляет, цитируя Добролюбова: «...ваш кружок доказал мне, что я человек мягкий и проклипать не умею» (Временник Пушкинского Дома. СПб., 1913, с. 66). Вероятно, как ответ Добролюбову создавалось стихотворение Полонского «Для немногих» (1859).

Примечания

Намек на А. Н. Майкова: эту черту его поэзии Добролюбов пародировал неоднократно (VII, 339, 523–524).

[^^^]

2

Из стихотворения «Ангел» (1840-е гг.).

[^^^]

3

Из стихотворения «Зимний путь» (1844).

[^^^]

4

Из стихотворения «Лес» (1854).

[^^^]

Цитируется стихотворение «В глуши» (1855).

[^^^]

Добролюбов перечисляет образы-олицетворения из стихотворений «Рассказ волн», «Лес», «Дубок», «Зимний путь», включенных в сборник «Стихотворения Я. П. Полонского» (СПб., 1855).

[^^^]

Из стихотворения «Не мои ли страсти...»
(1850).

[^^^]

У Полонского фамилия персонажа не Хлюстин, а Хвилькин.

[^^^]

В № 4 и 9 за 1855 г.

[^^^]

Из стихотворения «Царство науки не знает предела» (1855). Курсив Добролюбова.

[^^^]

Из стихотворения «На кладбище» (1857).

[^^^]

Добролюбов имеет в виду выступление «Современника» против прекраснородушных либеральных надежд, мелкого обличительства (см., напр., «Литературные мелочи прошлого года» в наст. т.).

[^^^]

В № 5 за 1859 г.

[^^^]

В № 4 за 1859 г.

[^^^]

Стихотворение 1856 г.

[^^^]

«И. С. Аксакову» (1856).

[^^^]

«На устах ее – улыбка» – сокращенная редакция стихотворения «Подойди ко мне, старушка» (1856).

[^^^]